

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

X

**Материалы международной научной конференции
«Грамматические процессы и системы
в синхронии и диахронии»
(30 мая — 1 июня 2016 г.)**

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА
2016

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-04-14109

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). — М., 2016. 556 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плуныян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А. М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Г. И. Кустова, доктор филол. наук (Москва, Россия);
А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Выходит 3 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

**Proceedings
of the V.V. Vinogradov
Russian Language Institute**

X

**Materials of International Scientific Conference
«Grammatical Processes and Systems
in Synchrony and in Diachrony»
(May 30 – June 1, 2016)**

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2016

Published with financial support
of the Russian Humanitarian Science Foundation.
Project N 16-04-14109

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, No. 10. Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 30- June 1, 2016). — M., 2016. 556 p.
ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Galina I. Kustova, D.Sc. (Moscow, Russia);
Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ

<i>В. А. Архипова (Латыпова)</i> (Москва). Дативно-предикативные конструкции в языке М. Ю. Лермонтова и А. С. Грибоедова	13
<i>Я. Э. Ахапкина</i> (Москва). Системные ошибки в нестандартных текстах: <i>кто пришли</i> — мн. ч. предиката при подлежащем «кто»	25
<i>А. В. Величко</i> (Москва). Предложения фразеологизированной структуры в грамматической системе языка	37
<i>М. Д. Воейкова, К. А. Иванова</i> (Санкт-Петербург). Семантические функции и особенности употребления отглагольных частиц <i>дай / давай</i>	44
<i>А. А. Герасимова</i> (Москва). Категориальный и аргументный статус актантных инфинитивных оборотов в русском языке	57
<i>П. В. Гращенков</i> (Москва). К вопросу о синтаксической структуре обособленных атрибутов	72
<i>М. Я. Дымарский</i> (Санкт-Петербург). Контроль, пресуппозиции и семантика контропативных инфинитивных высказываний	84
<i>Н. В. Ивлиева</i> (Москва). Особенности семантики разделительного союза <i>то ли ... то ли</i>	96
<i>В. В. Казаковская</i> (Санкт-Петербург). Эпистемическая модальность в русской детской речи	104
<i>И. М. Кобозева</i> (Москва). Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования).	120
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва). Синтаксические зависимые прилагательных (конструкция «А для Род S»).	134
<i>Е. М. Лазуткина</i> (Москва). О новой модели глагольного предложения в современном русском языке	152
<i>И. Б. Левонтина</i> (Москва). <i>Иду это я...</i> О дискурсивных употреблениях дейктических слов.	160

<i>А. Б. Летучий</i> (Москва). Модели управления сентенциальными актантами в русском языке: центр и периферия.	172
<i>Е. А. Лютикова</i> (Москва). Стратегии оформления аргументов в русской событийной номинализации и теория падежа.	201
<i>Н. К. Ониненко, О. С. Биккулова</i> (Москва). Проблема деепричастной нормы и категория субъекта	220
<i>А. В. Подобряев</i> (Москва). Семантическое связывание местоимений 1 и 2 лица в русском языке	232
<i>Е. В. Рахилина</i> (Москва), <i>Т. И. Резникова, М. А. Бородина</i> (Москва). «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века.	242
<i>С. С. Сай</i> (Санкт-Петербург). Время в русских финитных сентенциальных актантах: нейтрализация и точка отсчета	256
<i>Н. В. Сердобольская</i> (Москва). Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях с глаголом <i>думать</i>	275
<i>Н. М. Стойнова</i> (Москва). Конструкция (<i>не</i>) <i>стать</i> + инфинитив: корпусные свидетельства микродиахронических изменений	296
<i>С. Г. Татевосов</i> (Москва). Заметки о незаметном отрицании	312
<i>Ronald F. Feldstein</i> (Рональд Ф. Фельдштейн) (США, Блумингтон). On Russian Concessive-Adversative Constructions with Pronominal Reduplication of the Type “Уж чем-чем, а этим его не удивишь” (Русские уступительные / противительные конструкции с повторами местоимений <i>Уж чем-чем, а этим его не удивишь</i>)	329
<i>М. А. Холодилова</i> (Санкт-Петербург). Словоизменительная одушевленность местоимения <i>который</i>	344
<i>А. В. Циммерлинг</i> (Москва). Предикативы параметрического признака в русском языке.	358
<i>О. В. Чагина</i> (Москва). Лингвистическое описание конструкций статального пассива в аспекте изучения русского языка как неродного	370

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В ДИАХРОНИИ

<i>Оливье Азам</i> (Франция, Париж). Диахрония в помощь синхронии. О пользе диахронического подхода для объяснения некоторых сложных грамматических процессов в современном русском языке	378
<i>И. В. Вернер</i> (Москва). К предыстории кодификации творительного падежа в церковнославянской грамматике	394

<i>Е. А. Галинская</i> (Москва). Некоторые формы притяжательных местоимений в древнерусских текстах XIV–XV вв.	409
<i>Е. А. Мишина</i> (Москва). Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях.	420
<i>А. М. Молдован</i> (Москва). Грамматические архаизмы в списках «Слова о законе и благодати» Илариона . .	439
<i>Г. А. Мольков</i> (Санкт-Петербург). Употребление частицы <i>было</i> в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в.	454
<i>М. О. Новак</i> (Казань). О формах имен существительных в Толстовском Апостоле XIV в. (РНБ, Q.п.І.5)	465
<i>Я. А. Пенькова</i> (Москва). Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели.	475
<i>П. В. Петрухин</i> (Москва). Конструкция ‘ <i>быти</i> с причастием настоящего времени’ в житиях Бориса и Глеба (к вопросу о соотношении «Сказания» и «Чтения») . . .	489
<i>А. А. Пичхадзе</i> (Москва). Об предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия	499
<i>Е. Г. Сосновцева</i> (Санкт-Петербург). « <i>Бывает</i> + страдательное причастие»: семантика конструкции и ее употребление в памятниках русской агиографии. . .	516
<i>М. Н. Шевелева</i> (Москва). К истории древнерусского глагола <i>бывати</i> (аспектуальная семантика).	526
<i>И. С. Юрьева</i> (Москва). Место инфинитивных конструкций с начинательными глаголами в системе прошедших времён древнерусских и церковнославянских текстов . . .	544

CONTENTS

I. GRAMMATICAL PROCESSES AND SYSTEMS IN SYNCHRONY

<i>Victoria A. Arkhipova (Latypova)</i> (Moscow). Predicative Dative Constructions in the Language of M. Lermontov and A. Griboedov	13
<i>Yana E. Akhapkina</i> (Moscow). System Mistakes in Non-standart Texts: <i>Kto Prishli</i> – Plural Form of Predicate with Subject <i>Kto</i>	25
<i>Alla V. Velichko</i> (Moscow). Sentences of Phraseologized structure in Language Grammar System	37
<i>Maria D. Voeykova, Kira A. Ivanova</i> (St. Petersburg). Semantic functions and the Use of Deverbal Particles <i>daj / davaj</i>	44
<i>Anastasia A. Gerasimova</i> (Moscow). Syntactic Category and Argument Status of Russian Infinitival Complements	57
<i>Pavel V. Grashchenkov</i> (Moscow). On the Syntactic Structure of Shifted Attributives	72
<i>Mikhail Ya. Dymarsky</i> (St. Petersburg). Control, presuppositions, and the Semantics of Counter-Optative Infinitive Utterances.	84
<i>Natalia V. Ivliyeva</i> (Moscow). Semantics of <i>to li... to li...</i> Disjunction in Russian	96
<i>Victoria V. Kazakovskaya</i> (St. Petersburg). Epistemic Modality in Russian Child Speech.	104
<i>Irina M. Kobozeva</i> (Moscow). Cognitive-semantic Approach towards the Description of Connectors (Connectors of Immediate Precedence)	120
<i>Galina I. Kustova</i> (Moscow). Syntactic Dependencies of Adjectives (Construction «A dlya Gen S»)	134
<i>Elena M. Lazutkina</i> (Moscow). About the New Model the Simple Verbal Sentence in the Modern Russian Language	152
<i>Irina B. Levontina</i> (Moscow). <i>Idu eto ya...</i> On Some Discourse Functions of the Demonstrative Words	160
<i>Alexander B. Letuchiy</i> (Moscow, Russia) Patterns of Complementation in Russian: Core and Periphery	172
<i>Ekaterina A. Lyutikova</i> (Moscow). Argument Encoding in Russian Event Nominals and Case Theory	201

<i>Nadezhda K. Onipenko, Olga S. Bikkulova</i> (Moscow). Russian Adverbial Participle – Grammatical Rule and Category of Subject.	220
<i>Alexander V. Podobrjaev</i> (Moscow). Semantic Binding of 1 st and 2 nd Person Pronouns in Russian	232
<i>Ekaterina V. Rakhilina, Tatiana I. Reznikova, Marina A. Borodina</i> (Moscow). «Taman Today»: Corpus Research of XIX th Century’s Russian Language	242
<i>Sergey S. Say</i> (St. Petersburg). Tense in Russian Finite Complement Clauses: Neutralization and Point of Reference	256
<i>Natalia V. Serdobolskaya</i> (Moscow). Main Clause Phenomena in Complement Clauses Headed by the Verb <i>dumat</i> ‘think’	275
<i>Natalia M. Stoyanova</i> (Moscow). (<i>ne</i>) <i>stat</i> ’ + Infinitive in Russian: Corpus Evidence for Microdiachronic Semantic Changes	296
<i>Sergei G. Tatevosov</i> (Moscow). Notes on Unnoticeable Negation.	312
<i>Ronald F. Feldstein</i> (USA, Bloomington). On Russian Concessive-Adversative Constructions with Pronominal Reduplication of the Type « <i>Uzh chem-chem, a etim ego ne udivish</i> ’»	329
<i>Maria A. Kholodilova</i> (St. Petersburg). The Animate Accusative Form of the Pronoun <i>kotoryj</i> ‘which’.	344
<i>Anton V. Zimmerling</i> (Moscow). Parametric Predicatives in Russian	358
<i>Olga V. Chagina</i> (Moscow). Constructions of a Statal Passive in a Linguistic Description of Russian for Foreigners	370
II. GRAMMATICAL PROCESSES AND SYSTEMS IN DIACHRONY	
<i>Olivier Azam</i> (France, Paris). <i>Prodajutsja dva bol’six stola</i> . Synchrony Assisted by Diachrony. About the usefulness of the diachronic approach to explain some difficult grammatical processes in contemporary Russian	378
<i>Inna V. Verner</i> (Moscow). On Prehistory of the Instrumental Case Codification in Church Slavonic	394
<i>Elena A. Galinskaya</i> Some Forms of Possessive Pronouns in Old Russian Texts in the 14 th and 15 th Centuries.	409
<i>Ekaterina A. Mishina</i> (Moscow). On the Special Usages of the Forms of Aorist and Active Past Participle in Old Russian Chronicles.	420
<i>Alexander M. Moldovan</i> (Moscow). Grammatical Archaisms in the Synodal Manuscript of Hilarion’s <i>SERMON ON LAW AND GRACE</i>	439

Georgy A. Molkov (St Petersburg).
The Use of the Particle *bylo* in the Translation of Ovid's
the *Metamorphoses* at the Beginning of the 18th Century. 454

Maria O. Novak (Kazan).
On Noun Forms in Tolstovskii Apostolus from the 14th Century (NLR, Q.n.I.5) 465

Yana A. Pen'kova (Moscow).
Semantics of the Slavic Future Perfect and Several Typological Parallels. 475

Pavel V. Petrukhin (Moscow).
The construction 'byti with the Present Participle' in the *Vitae* of Boris and Gleb
(on the problem of the relationship between the *Narration* and the *Lectio*). 489

Anna A. Pichkhadze (Moscow).
On Predicative vs. Attributive Participles in Old Russian: Indeclinable Participles . . . 499

Elizaveta G. Sosnovtseva (St Petersburg).
The Grammatical Analysis of Constructions *byvaet* with Passive Participles
in Russian Hagiography 516

Maria N. Sheveleva (Moscow).
On the History of the Old Russian Verb *byvati* (Aspectual Semantics). 526

Irina S. Yurjeva (Moscow).
The Place of Infinitive Constructions with Inchoative Verbs in the System
of Past Tenses in the Old Russian and Church Slavonic Texts. 544

Я. А. Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

penkovajanine@gmail.com

СЕМАНТИКА СЛАВЯНСКОГО ВТОРОГО БУДУЩЕГО И НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

В статье на материале древних и современных славянских языков рассматриваются основные темпоральные и модальные функции славянского второго будущего, выявляются причины и направления семантической эволюции перифразы в славянских языках на фоне типологически сходных явлений в других европейских языках. Славянское второе будущее полифункционально. *Предшествование в будущем* является не инвариантным значением перифразы, но лишь одной из ее темпоральных функций. Выделяется три основных функции: предшествование в будущем, следование в будущем, предположение о событии в прошлом, а также отмечаются единичные случаи, в которых перифраза может вступать в семантическую зону ирреальной модальности. Ключевая роль в семантике и в эволюции второго будущего принадлежит импликатурам, конвенционализация которых служит источником полифункциональности перифразы и определяет различные направления эволюции второго будущего в истории славянских языков. Выделяются два основных пути семантической эволюции второго будущего. Первый путь предполагает размывание результирующей семантики и переосмысление второго будущего как обычного аналитического будущего. Этот путь характерен для западнославянских языков и западной части южнославянских языков и диалектов: древнечешского, некоторых говоров словацкого языка, словенского, северо-западных диалектов сербохорватского, и, вероятно, польского языка. Напротив, для восточной части южнославянских и, отчасти, восточнославянских языков характерно развитие модально-эвиденциальных значений, в дальнейшем возможно переосмысление вспомогательного глагола как маркера предположительности и его распространение на другие темпоральные формы (болг. *ще (да)*, рус. *буде*). Русский язык впоследствии утрачивает как саму граммему второго будущего, так и ее реликты.

---

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 15-04-00283).

Ключевые слова: второе будущее время, будущее время перфекта, результативность, модальность, потенциальность, ирреальность, грамматическая семантика, история славянских языков.

Возникновение на славянской почве перифразы со значением результативности в будущем, структурно и семантически устроенной подобно перфекту и плюсквам-перфекту, восходит еще к праславянскому периоду. Семантика славянского второго будущего всегда вызывала большой интерес, однако до сих пор не существует исследования, в котором были бы учтены данные всех славянских языков в синхронии и диахронии. В монографии Х. Кржижковой второе будущее рассматривается только на материале западнославянских языков, старославянского и древнерусского [Křížková 1960: 76–108, 156–173]. Ценные данные о географии распространения и структурных разновидностях второго будущего в славянских языках и диалектах содержит обзорная статья К. Рёслера, не затрагивающая, однако, семантики данной структуры [Rösler 1952: 103–149]. Существенный вклад в изучение данного вопроса должно внести еще не завершённое диссертационное исследование соотрудницы Кильского университета Яны Мовчан [Movchan (manuscript)]².

Типологические исследования второго будущего также отсутствуют, несмотря на то, что футурум экзактум есть во многих европейских языках, а также существовало в латыни и древнегреческом. Однако авторы монографий «Future Times, Future Tenses» [De Brabanter, Kissine, Sharifzadeh 2014] и «The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world» [Bybee et al. 1994] обошли вниманием данную структуру; в [Bybee et al. 1994: 54] указывается только, что будущее время перфекта рассматривается в одном ряду с перфектом. Тем самым авторами обеих монографий один из источников возникновения футурума остался незамеченным.

Уже вторую сотню лет в лингвистической литературе не умолкает спор о том, следует ли считать славянское второе будущее формой наклонения или времени (ср. также дискуссию и обзор библиографии по более широкой проблеме — особого статуса футурума в системе времен в [De Brabanter, Kissine, Sharifzadeh 2014: 1–18]). Фактически эта же проблема лежит в основе разногласий по поводу грамматической семантики славянского второго будущего. Здесь можно выделить два основных подхода, которые условно назовем *темпоральным* и *модальным*. В рамках *темпорального* подхода модальность исключается из грамматического значения перифразы. В рамках *модальной* концепции в грамматическую семантику второго будущего включают модальный компонент или — шире — рассматривают структуру как одно из наклонений. К сторонникам первой концепции можно отнести А. Вайана [Vaillant 1957], Х. Кржижкову [Křížková 1960: 76–108, 156–173], Р. Вечерку [Večerka 1993: 180], Х. Андерсена [Andersen 2006a], З. Хауптову [Hauptová 2008: 100], к сторонникам второй — П. Выскочила [Vyskočil 1956], Г. А. Хабургаева [Горшкова, Хабургаев 1997: 316–319], А. А. Зализняка [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177] (см. также

² Автор благодарит Яну Мовчан за ценную информацию об употреблении второго будущего в современном литературном сербохорватском языке.

обзор отечественной библиографии по теме в [Пенькова 2014: 150–184]). При этом Х. Кржижкова, З. Хауптова и Р. Вечерка склонны рассматривать перифразу не как грамматикализованное второе будущее, а как синтаксическое сочетание.

В настоящей работе предлагается функциональный подход к описанию семантики славянского второго будущего (ср. работу Ж. Леписье, выделявшего у второго будущего три типа употребления, которые можно условно назвать *темпоральным*, *модальным* и *эвентуальным* [Lépissier 1960: 90–100]). Функциональный подход позволяет не только избежать одностороннего взгляда на грамматическую семантику перифразы, но и предложить вероятные пути возникновения переносных значений у славянского второго будущего.

Сторонники *темпоральной* концепции, очевидно, не без оснований полагают, что модальный компонент во многих употреблениях (далеко не во всех) следует признать контекстуальным, однако важность этого модального компонента справедливо подчеркивают приверженцы *модальной* концепции, поскольку без учета этого контекстуального наращения оказывается невозможным объяснить дальнейшую эволюцию структуры. В этом отношении еще более показательна ситуация в некоторых романских языках, в особенности — в латыни и современном французском. Так, в средневековой латыни формы *futurum exactum* стали смешиваться с формами конъюнктива, поскольку совпадали семантически и структурно во всех формах, кроме 1 л. ед.ч. [Бурсье 1952: 191; Дынников, Лопатина 1975: 62]. Отчасти сходная ситуация формируется и в современном французском, в котором *futur antérieur* начинает смешиваться с кондиционалом в первом лице единственного числа³.

В современном языкознании второе будущее принято рассматривать и описывать в одном ряду с другими относительными временами, ориентированными не на момент речи, а на другой дейктический центр, задаваемый контекстом. Х. Рейхенбах называет этот дейктический центр моментом референции (*point of reference*), который у второго будущего всегда находится в будущем, тогда как само событие может следовать, предшествовать или быть одновременным моменту речи [Reichenbach 1947: 287–298]. Эту же особенность второго будущего описывает и Б. Комри в разделе, посвященном абсолютно-относительным временам, показывая, что информация о том, когда имеет место событие (до момента, речи, после или одновременно) не входит в темпоральное значение второго будущего, а принадлежит области имплицатур [Comrie 1985: 69–72]. На подобное свойство плюсквамперфекта — «дискурсивной категории *par excellence*» — указывает П. В. Петрухин [2008: 213–240]. Второе будущее в этом отношении сходно с плюсквамперфектом, поскольку значение обеих структур невозможно установить без учета широкого контекста. Имплицатурам в семантике второго будущего, очевидно, принадлежит ключевая роль, именно их конвенционализация является источником полифункциональности перифразы и определяет различные направления эволюции второго будущего в истории славянских языков. Рассмотрим основные темпоральные и модальные функции славянского второго будущего.

³ На смешение форм 1 л. ед. ч. кондиционала и второго будущего в современной французской разговорной речи автору указал в устном сообщении Оливье Азам.

1. Предшествование в будущем (предбудущее). Классическое определение семантики второго будущего, которым начинается, как правило, любой раздел грамматики, посвященный данной структуре, — предшествование одного действия в будущем другому (ср.: [Večerka 1993: 180]). Эта функция в иерархии функций второго будущего занимает в грамматических описаниях первое или вовсе единственное место и может быть проиллюстрирована примерами (1)–(3) из старославянских, древнерусских и древнечешских памятников:

(1) ТОЛИ ПОТОМЪ ДА ПРИАТЪ БЪДЕТЪ ВЪ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО АШТЕ БЪДЕТЪ ПРАВЕДНО ПОКААЛЪС<А> ‘так что потом пусть будет принят в свое отечество, если окажется, что он праведно покался (букв.: будет праведно покаявшимся)’ [Sin. Euch. 102a–11] — ср. в лат. форма *futurum exactum*: *si bene egerit penitentiam* [Зап. св. отец, 173];

(2) И МЛТВА ВЪРНА СПСЕТЪ БОЛЪЩАГО, И ИСЦЪЛИТЬ И ГЪ, И АЩЕ ГРЪХУ БУДЕТЬ СЪТВОРИЛЪ, УТДАДАТЬСЯ ЕМОУ ‘и молитва веры спасет больного, и исцелит его Господь, и если окажется, что он совершил грехи (будет совершившим грехи), то они будут отпущены’ (Иак. 5, 15) [Апост. Христ.: 79], ср. греч.: *kān āmartias ἡ πελοπικῶς ἀφεθήσεται αὐτῷ*;

(3) ač zrno žitné v zemi umrlo nebude, to samo ostane, pak-li umrlo bude, mnohý plod přinese ‘если зерно пшеничное в земле не умрет (станет умершим), то останется одно, если же умрет, принесет большой урожай’ (Jan. 12, 24) EvZimn. [Gebauer 1958: 426] — в лат. также *futurum exactum*: *nisi granum frumenti cadens in terram mortuum fuerit ipsum solum manet, si autem mortuum fuerit multum fructum adfert*.

2. Следование в будущем. Довольно широко представлена в славянских языках и функция следования в будущем. Второе будущее здесь выступает в роли аналога перфекта (т. н. *ослабленного результата* [Плунгян 2011: 389]), отнесенного в план будущего, ср. примеры (4)–(6) из старославянских, древнерусских и древнечешских памятников:

(4) АШТЕ НА ТО СТВОРИМЪ, ВЛАДЫКЫ ПОДРАЖАЛИ БЪДЪМЪ ‘если мы это совершим, то тем самым мы подражали (окажется, что мы подражали) Владыке’ [Супр.: 379, 11], в греч.: *Kān mēn toūto chrīswmeθα, tōn δεσπότην ἐξηλώσαμεν*;

(5) СНОУ, АЩЕ ПРЕ(Д) ЦРМЪ ДРУГА СВОЕГО РАДИ ПОМОЩНО СЛОВО РЕЧЕШИ, И БЪДЕШИ АКО Ш ОУСТЪ ЛВОВЪ ИЗЪТАЛЪ ВЪЧА НОСИМО ‘сын, если перед царем ради своего друга произнесешь слово в защиту, то окажется, что ты как бы из пасти львов отбил овцу’ [Пов. об Акире: 77];

(6) shřěši-li v tobě bratr tvój, jdi a treskci jej, uposlúchá-li tebe, získal budeš (лат.: *lucratus eris*) bratra tvého ‘согрешит ли против тебя брат твой, иди и обличи его, послушает ли тебя, значит, тем самым окажется, что ты приобрел брата своего’ (Mat. 18, 15) EvZimn. [Gebauer 1958: 426].

Очевидно, что в примерах (4)–(6), в отличие от (1)–(3), в фокусе лишь результативность, отнесенная в план будущего. Рассматриваемая перифраза употреблена не в протазисе, как в (1)–(3), а в аподозисе и используется для обозначения следствия или вывода (ср. франц. *futur de conclusion*). Благодаря употреблению второго будущего в подобных контекстах, следствие или вывод могут быть переосмыслены как то, что следует не только логически, но и хронологически: ‘вывод,

следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. В таком употреблении второе будущее обнаруживается уже в древнерусских, древнечешских и древнехорватских памятниках:

(7) *аще ли хоцеши да предамъ кго дѹхови нечистѹ бѹдетъ ходиль бѣса* 'если хочешь, я предам его нечистому духу, и он будет ходить (букв. станет ходивший), бесясь', в греч. *ἔσται περιάγων δαιμονιζόμενος*, букв. 'будет ходящий кругом, будучи одержимым' [ЖАЮ, 3410–3411];

(8) *máš umřieti, i budeš pykal* Hod. 84b 'ты должен будешь умереть и будешь страдать' [Gebauer 1958: 427];

(9) *Vuci budu polak jancev bivati i leopardi z kozliči ležali* 'волки будут рядом с ягнятами жить и леопарды с козлятами лежать' (Is. XI, 6) Vet. Test. [Jagić 1897 : 19] — в лат.: *habitabit lupus cum agno et pardus cum hedo accubabit vitulus*.

В древнечешской письменности второе будущее преобладает именно в таком употреблении, синонимичном более частотной перифразе *буду + Inf.*, постепенно вытесняющей конструкцию с *l*-причастием [Křížkova 1960: 92–100]. В памятниках словенского языка рассматриваемая перифраза уже с XVI в. функционирует исключительно как аналитическое будущее для глаголов несовершенного и совершенного вида [Rösler 1952: 120; Дуличенко 2005: 214].

Несколько иначе обстоит дело в польском. Здесь, как и в древнечешском, уже с XIV века сосуществуют две перифразы: с инфинитивом и с *l*-причастием [Słoiński 1953: 108]. В древнепольском, в отличие от древнечешского, обе структуры употребляются только с глаголами несовершенного вида. Этот факт, а также некоторые другие особенности употребления *będzie* с *l*-причастием в древнепольских памятниках (к примеру, более позднее вовлечение причастных форм женского и среднего рода [Whaley 2000: 50]), заставляют некоторых исследователей склониться к предположению, что польское будущее *będzie* с *l*-причастием не является прямым потомком праславянского второго будущего, а представляет собой более позднюю инновацию [Błaszczak, Jabłońska, Klimek-Jankowska, Migdalski 2014: 186]. Однако в этом случае мы вынуждены будем признать, что в древнепольском языке, в отличие от других славянских языков, имеющих раннюю письменную традицию, структура, восходящая к праславянскому второму будущему, утратилась чрезвычайно рано, не оставив никаких следов. Напротив, в случае признания ее родства с праславянским вторым будущим, перифраза *będzie + -l* окажется в одном ряду с аналогичными структурами в других западно- и юго-западнославянских языках, в которых праславянское второе будущее эволюционировало в аналитическое будущее на том или ином этапе истории языка (см. также ниже).

Неясным является происхождение перифразы *буду + -l* в восточнословацких говорах и юго-западных говорах украинского языка [Rösler 1952: 123; Andersen 2006b: 18]. Вероятнее всего, следует признать структуру заимствованием из польского, однако не исключено и параллельное независимое развитие перифразы в данных идиомах: так, на существование второго будущего в среднесловацких говорах указывает Ф. Травничек [Trávníček 1935: 422].

В чакавском диалекте сербохорватского перифраза также употребляется в функции будущего времени [Rösler 1952: 118]. Значительно реже употребления второго будущего в данной функции встречаются в современном литературном сербохорватском и болгарском, ср. примеры (10) и (11):

(10) Pre nego što budem pošla, javiću vam se ‘прежде чем уйти, я зайду к вам’ [Kunzmann-Müller 1994: 54];

(11) Тъкмо ще съм си починал, когато ратниците на брат ми ме открият и ми прережат гърлото ‘только я буду отдыхать [тогда], когда воины моего брата меня найдут и мне перережут горло’ [Krum Bachvarov. Pridvorniyat ubiets. Kniga 1. Tronat 2001].⁴

Типологически сходна эволюция структуры, восходящей к латинскому *futurum exactum*, но впоследствии утратившей перфектную семантику, в далматинском языке [Бурсье 1952: 191]; по этому же пути, по-видимому, пошло и древнегреческое *завершенное будущее* (ὁ συντελεσμένος μέλλοντας), употреблявшееся для обозначения события, следующего за другим событием в будущем [Matthiae 1837: 835; Caragounis 2004: 272], ср.:

(12) ἄμα ταῦτα ποιοῦντων ἡμῶν εὐθὺς Ἀριαῖος ἀφεστήξει ‘как только мы это сделаем, Ариэй сразу же отложится’ (Ксенофонт. «Анабасис», II.4.5) [Caragounis 2004: 272].

3. Предположительность в прошлом. Болгарский *презумптив*, употребляющийся для обозначения предположения говорящего о событиях в прошлом и образующийся с помощью частиц *ще (да)* в соединении с презенсом или перфектом, восходит соответственно к модальным употреблениям будущего первого и будущего второго, т. е. современный болгарский демонстрирует более продвинутый этап эволюции второго будущего, на котором происходит *расщепление* структуры в соответствии с разными функциями: второе будущее продолжает употребляться в функции предбудущего, тогда как для контекстов со значением предположительности в прошлом в языке формируется новая структура, омонимичная первой (об употреблении болгарского презумптива см. [Ницолова 2008: 329]), ср.:

(13) [*ще* + перфект]: Някой влашки циганин ще е бил — помисли си той, като си спомни, че цигани-катунари бяха минали през селото ‘вероятно, это был какой-нибудь румынский цыганин, — подумал он, когда вспомнил, что цыгане ранее проезжали через село’.

Впоследствии же *ще (да)* начинает переосмысляться как маркер предположительности и распространяется на другие темпоральные формы [Там же]. Аналогичным образом ведет себя и вспомогательный глагол *буду* из перифразы *буду* + *л*-форма в среднерусском языке, утрачивая предикативность (подробно об утрате предикативности вспомогательным *будет* и его переходе в разряд служебных слов см. [Пенькова 2012: 10–11; 2010: 208–215]) и эволюционируя в дальнейшем в говорах в модальную частицу со значением предположительности *буде* (ср. пример 14 из северных говоров):

(14) *вот там одна женщина купила дом и вторые... там две семьи... третьей буде дом купил* [Пожарицкая 2010: 122].

⁴ Контекст взят из Болгарского национального корпуса <http://search.dcl.bas.bg/>

Типологически сходно с данным употребление второго будущего в некоторых других европейских языках (о модальном употреблении немецкого второго будущего см. [Шендельс 1970: 77], французского — [Шишова 2014: 4]), не имеющих, однако, модальных частиц, которые восходили бы к вспомогательным глаголам, участвующим в образовании второго будущего; ср. примеры (15)–(16):

(15) Er ist eine recht eigenartige Erscheinung, das werden Sie ja selbst gemerkt haben ‘поистине он уникальное явление, это Вы, вероятно, и сами заметили’ (пример из работы [Шендельс 1970: 77]);

(16) Pour atteindre son objectif, il aura dépensé pas moins de deux milliards d'euros en neuf ans... ‘Для достижения своей цели, он, наверное, потратил не менее двух миллиардов евро за девять лет’⁵.

В старославянских текстах данная функция второго будущего представлена единственным примером (17), в древнерусских — бóльшим числом контекстов, однако также нечастых, ср. пример (18). Для древнечешских текстов эта функция второго будущего, по-видимому, не была характерна вовсе:

(17) ѣда бѣдетъ сльггаль приходивыи. почто ми гнѣвити ѡзыкѣ старцу ‘вдруг окажется, что приходивший солгал, зачем же мне гневить старика’ [Супр.: 239, 25], ср. греч.: Εἰ γὰρ ἄρα ἐψεύσατο ὁ ἐλθὼν, τί τέως καθ’ ἑαυτῆς ἐρετίζω τῆν γλώτταν τοῦ γέροντος;

(18) Снѣ, аще члѣк въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помилѡи его, зане не онъ то створилъ: оубожество принѡдило и бѣдетъ ‘сын, если человек в бедности украдет, то помилуй его: должно быть, нищета вынудила его’ [Пов. об Акире: 83].

Употребления второго будущего для маркирования предполагаемых событий в прошлом могут быть также объяснены конвенционализацией одной из импликатур: ‘в будущем окажется, что имеет/ имел место (результат) P’ → ‘в момент речи неизвестно, имеет/имело ли место P’ → ‘предположительно, имело/имеет место P’. Отсюда остается всего один шаг до семантической зоны ирреальной модальности.

4. Ирреальная модальность. Самой редкой функцией второго будущего в древнеславянских текстах (единичные примеры в древнерусских оригинальных текстах и в древнерусских списках церковнославянских текстов) является обозначение ирреальной модальности, а точнее т. н. «отрицательной» ирреальности («невозможной возможности»), противопоставленной «положительной» ирреальности («возможной возможности») [Князев 2007: 145–148], или потенциальности, которую иногда рассматривают в рамках индикатива [Бондарко 1990] и маркирование которой как раз и является одной из основных функций второго будущего (ср. выше, а также ср. эвентуальную функцию, выделенную Ж. Леписье у старославянского второго будущего). Данный тип употребления может быть рассмотрен самостоятельно или же как частный случай более общей функции предполагаемого действия в прошлом, ср. (19) и (20):

(19) ты еси молодъ а поѣди прочь и нас позорѡи како ны бѣдетъ ѡць твон кормилъ и любилъ а хочемъ за ѡца твоего чстъ и за твою головы своа сложити ‘ты

⁵ В примерах 15–16 приведен перевод А. Шишовой [2014: 10–11].

молод, так что поезжай прочь и наблюдай за нами, так как твой отец нас кормил бы и любил, то мы сложим свои головы за честь твоего отца и за твою' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.] — речь идет об уже умершем отце юного князя Ярослава Владимировича Галицкого;

(20) ...и не вышю прокуженію акы прокоуженіе сътвори(въ) по правдѣ соудит сѧ. в немже оуже и та ѡ блудѣ не въ кривиноу оклеветаемѧ с нимъ ѡбращетьсѧ. Како бо въроуемъ еи како ѡтриноула боуде прокоуженіѧ ѡт блудьнаго того приносимоу язвѡу, не пришедшю вроужию? 'и если не было осквернения, [он] судится, как если бы он действительно его сотворил, и в этом и та [женщина] окажется с ним не несправедливо обвиняемой, ибо как мы можем верить ей, что она бы отвергла вызываемую тем блудным язву скверны, если [тогда] не было средств [к совершению греха]'? [De Virg.: 76–77], ср. греч. πὼς γὰρ πιστεύσομεν αὐτῇ, ὅτι ἄλωσατο ἄν τὴν τῆς φθοράς... πληγῆν.

В данном случае перед нами контексты, в которых представлена синонимия второго будущего с кондиционалом. Такое же размывание четкой системы однозначного соответствия временных форм и наклонений их прототипическим функциям характерно и для плюсквамперфекта в современных славянских языках; о плюсквамперфекте, способном выступать в роли функционального аналога перфекта, имперфекта и кондиционала в украинском и болгарском, см. в работе [Movchan 2015: 130].

Некоторые выводы

Славянское второе будущее полифункционально и благодаря различным импликатурам, порождаемым в контексте, имеет различную судьбу в славянских языках. Выделяется два основных пути семантической эволюции второго будущего. Первый путь связан с утратой результативной семантики и изменением второго будущего в обычное перифрастическое будущее на основе семантического перехода 'результативность в будущем' → 'вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. По этому пути пошли западнославянские языки и западная часть южнославянских языков и диалектов: древнечешский, некоторые говоры словацкого языка, словенский, северо-западные диалекты сербохорватского (современные кайкавские говоры), а возможно, и польский язык.

Иное направление эволюции второго будущего, характерное прежде всего для восточной части южнославянских и восточнославянских языков, — развитие модально-эвиденциальных значений на основе импликатуры 'результат в будущем' → 'неизвестность в момент речи' → 'предположительность'. Это, прежде всего, болгарский *презумтив*, а также особая конструкция «футурум от *biti* + перфект» в сербохорватском языке, выражающая предположение по поводу событий в прошлом. Впоследствии вспомогательный глагол в употреблении подобного рода может переосмысляться как маркер предположительности и распространяться на другие темпоральные формы, ср. *ще (да)* в болгарском и возникновение из вспомогательного глагола второго будущего модальной частицы со значением предположительности *буде* в истории русского литературного языка и в диалектах.

Русский язык семантически оказывается сходен, с одной стороны, с южнославянскими, поскольку в нем вспомогательный глагол *будет* становится источником модальной частицы *буде*, употребляемой в говорах. Однако со структурной точки зрения русский язык подобно западнославянским языкам утрачивает граммему второго будущего в системе времен глагола.

Литература

Апост. Христ. — "Христинопольский" (или "Городисский") апостол // *Kalužniacki Aem. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christianopolitani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.*

Болгарский национальный корпус [электронный ресурс]

URL: <http://search.dcl.bas.bg/>

Бондарко А. В. Реальность/ирреальность и потенциальность. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 72–79.

Бурсье Э. Основы романского языкознания / Перевод с четвертого французского издания Т. В. и Е. В. Вентцель. Под ред. Михальчи Д. Е. М., 1952.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дуличенко А. Д. Словенский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 198–233.

Дынников А. Н., Лопатина М. Г. Народная латынь. М., 1975.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Зап. св. отец — Максимович К. А. Заповѣди святыхъ отъць. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. М., 2008.

КЛ — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 139–197.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.

Пенькова Я. А. Будеть как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII–XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Пожарицкой. М., 2010. С. 208–215.

Пенькова Я. А. Финитные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пенькова Я. А. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Под ред. Гусева В. Ю., Плунгяна В. А., Урманчиевой А. Ю., М., 2008. С. 213–240.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Пов. об Акире — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 103–131.

ПОС 1973 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 2. Л., 1973.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986.

Супр. — Заимов Й., Капалдо М.. Супраслјски или ретков сборник. Т. I–II. Софија, 1982.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.

Шишова А. Д. Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation / Ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006.

Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdałski K. The riddle of ‘future tense’ in Polish // Future times, future tenses / Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S.. Oxford, 2014. p. 165–204.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago and London, 1994.

Caragounis C. C. The Development of Greek and the New Testament. Tübingen, 2004.

Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.

De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction // Future times, future tenses / Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014. P. 1–25.

De Virg. — De Virginitate de saint Basile. Texte vieux-slave et traduction française par A. Vaillant. Paris, 1943.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.

Hauptová Z. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besěd Řehoře Velikého // Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky. Praha, 2008. P. 95–101.

Jagić V. Veteris Testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI. Wien, 1897.

Křížková H. Ještě k staroslověnskému сътвориць бѣдѣ // Slavia. Roč. 26. 1957. P. 500–505.

Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině. Praha, 1960.

Kunzmann-Müller B. Grammatikhandbuch des Kroatischen und Serbischen. Frankfurt am Main, 1994.

Lépissier J. Le futur antérieur en vieux slave // Revue des études slaves. T. 37. 1960. P. 90–100.

Matthiae A. A Copious Greek Grammar transl. from the German by E. W. Blomfield, M. A. Vol. II. London, 1837.

Movchan Ya. Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen // Anzeiger für slavische Philologie. 41. 2015. S. 109–131.

Movchan Ya. Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen. [manuscript].

Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York, 1947.

Rösler K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. Bd. 2. 1952. S. 103–149.

Sin. Euch. — J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française // Patrologia Orientalis. T. 24. Paris, 1933; T. 25. Paris, 1943.

Słoński S. Historia języka polskiego w zarysie. Warszawa, 1953.

Trávníček F. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.

Vaillant A. Chronique: Généralités // Revue des études slaves. T. 34. 1957. P. 173.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.

Vyskočil P. Staroslověnský сътвориць бѣдѣ // Slavia. Roč. 25. 1956. S. 260–261.

Whaley M. L. The Evolution of the Slavic 'BE(COME)'-Type Compound Future. PhD Dissertation / The Ohio State University, 2000.

Yana A. Pen'kova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

SEMANTICS OF THE SLAVIC FUTURE PERFECT AND SEVERAL TYPOLOGICAL PARALLELS

The article deals with the main temporal and modal functions of the Slavic future perfect, and reveals the evolutionary routes and their reasons, based on the material of old and modern Slavic languages, involving some similar typological phenomena of other European languages. The Slavic future perfect is polyfunctional. *Anteriority in the future* appears not as its invariant meaning, but only as one of its temporal functions. The author distinguishes three main functions: 'anteriority in the future', 'posteriority in the future' and 'assumption about an event in the past', as well as some isolated cases which show that the

periphrasis can even enter the semantic area of irreality. The key role in the semantics and in the evolutionary routes of the Slavic future perfect belongs to conventionalized implicatures, which serve as a source for its polyfunctional character and determine its different routes of change in the history of Slavic languages. Two main evolutionary routes can be established. The first one is determined by the loss of the resultative function and by the interpretation of the future perfect as a non-resultative periphrastic future. This change is typical of the West Slavic languages and the western part of the South Slavic languages and dialects: Old Czech, some Slovak dialects, Slovenian, north-western dialects of Serbo-Croatian and probably Polish. On the contrary, the eastern parts of the South Slavic languages and, to some extent, the East Slavic Languages, share the evolutionary route that leads to the development of modal and evidential meanings. It may subsequently cause the interpretation of the future perfect auxiliary as a presumptive marker and its expansion to other temporal structures (Bulg. *shte(da)*, Russ. *bude*). The Russian language, in the later course of its history, loses the future perfect grammeme, as well as its relicts.

Keywords: future perfect, resultativity, modality, potentiality, irreality, grammatical semantics, Slavic languages history.

References

Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. *Change in verbal systems. Issues in explanation*, ed. by Eksell K. and Vinther T. Bern, 2006.

Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdalski K. The riddle of 'future tense' in Polish. *Future times, future tenses*. Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014. pp. 165–204.

Bolgarskii natsional'nyi korpus [Bulgarian national corpus] available at: http://www.ibl.bg/BGNC_bg.htm

Bondarko A. V. Real'nost'/irreal'nost' i potencial'nost'. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of the functional grammar. Temporality. Modality]. Ed. by Bondarko A. V. Leningrad, 1990, pp. 72–79 (in Russ.).

Burs'e E. *Osnovy romanskogo yazykoznaniya*. Moscow, 1952. (Russ. ed. Mikhal'chi D. E. *Perevod s chetvertogo frantsuzskogo izdaniya T. V. i E. V. Venttsel'*).

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago and London, 1994.

Caragounis C. C. *The Development of Greek and the New Testament*. Tübingen, 2004.

Comrie B. *Tense*. Cambridge, 1985.

De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Future tense vs. future time: An introduction. *Future times, future tenses*. Ed. by De Brabanter Ph., Kissine M. and Sharifzadeh S. Oxford, 2014, pp. 1–25.

De Virg. — *De Virginitate de saint Basile*. Texte vieux-slave et traduction française par A. Vaillant. Paris, 1943.

Dulichenko A. D. Slovenskii yazyk. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow, 2005, pp. 198–233.

Dynnikov A. N., Lopatina M. G. *Narodnaya latyn'*. Moscow, 1975.

Frček J. *Euchologium Sinaiticum*. Texte slave avec sources grecques et traduction française. *Patrologia Orientalis*, V. 24. Paris, 1933; V. 25. Paris, 1943.

Gebauer J. *Historická mluvnice jazyka českého*. V. III, Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.

Gorshkova K. V., Haburgaev G. A. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. Moscow, 1997.

Grigor'ev A. D. *Povest' ob Akire Premudrom. Issledovanie i teksty*. Moscow, 1913.

Hauptová Z. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Beséd Řehoře Velikého. *Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky*. Praha, 2008, pp. 95–101.

Jagić V. *Veteris Testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI*. Wien, 1897.

Kalužniacki Aem. *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti*. Vindobonae, 1896.

Knjazev Ju. P. *Grammaticheskaja semantika. Russkij jazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moscow, 2007.

Krechmer A. G., Neveklowski G. *Serbokhorvatskii jazyk (serbskii, khorvatskii, bosniiskii jazyki). Yazyki mira: Slavyanskije jazyki* [Languages of the World: Slavic Languages]. Moscow, 2005, pp. 139–197.

Křížková H. Ještě k staroslověnskému сътворилъ бждж. *Slavia*, no. 26. 1957, pp. 500–505. (in Czech).

Křížková H. *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině*. Praha, 1960.

Kunzmann-Müller B. *Grammatikhandbuch des Kroatischen und Serbischen*. Frankfurt am Main, 1994.

J. Lépissier. Le futur antérieur en vieux slave. *Revue des études slaves*. 1960, V. 37, pp. 90–100. (in French).

Maksimovich K. A. *Zapovědi svyatykh" ot'st'. Latinskii penitentsial VIII veka v tserkovnoslavyanskom perevode*. Moscow, 2008.

Matthiae A. *A Copious Greek Grammar*, transl. from the German by Blomfield E. W., M. A. V. 2. London, 1837.

Moldovan A. M. *Zhitie Andreya Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti*. Moscow, 2000.

Movchan Ya. Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen. *Anzeiger für slavische Philologie*, no 41. 2015, p. 109–131 (in Germ.).

Movchan Ya. *Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen* [Comparative analysis of the verbal systems in Slavic languages] [manuscript].

Nitsolova R. *Bulgarska gramatika. Morfologiya*. Sofiya, 2008.

Pen'kova Ya. A. Budet' kak istochnik formirovaniya sluzhebnykh slov (na materiale delovykh pamyatnikov XII–XV vekov). *Voprosy russkogo yazykoznanija* [Questions of the Russian linguistics], no. 13. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiyu nauchnoi deyatel'nosti Sofii Konstantinovny Pozharitskoi. Moscow, 2010, pp. 208–215. (in Russ.)

Pen'kova Ya. A. *Finitnye obrazovaniya ot osnovy bud- v yazyke pamyatnikov russkoi pis'mennosti XII — pervoi poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis)*: avtoref.

diss. kand. filol. nauk [Finite forms from the stem bud- in the language of the XIIth — second part of the XVIth century Russian writing (morphology, semantics, syntax): avtoref. PhD diss.]. Moscow, 2012.

Pen'kova Ya.A. K voprosu o semantike t.n. budushchego slozhnogo II v drevnerusskom yazyke (na materiale «Zhitiya Andreyu Yurodivogo»). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2014, no. 1 (27). S. 150–184. (in Russ.)

Petrukhin P. V. Diskursivnye funktsii drevnerusskogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei), *Issledovaniya po teorii grammatiki. Issue 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies in the Theory of Grammar. Issue 4. Grammatical Categories in Discourse]. Ed. by Gusev V. Yu., Plungyan V. A., Urmanchieva A. Yu.. Moscow, 2008. S. 213–240. (in Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moscow, 2011.

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. II. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2001.

Pozharitskaya S. K. Modal'nye slova, proizvodnye ot glagolov BYT", BYVAT", v severnorusskoi dialektnoi rechi. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2010, no. 1 (19), pp. 103–131 (in Russ.).

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi. No. 2. Leningrad, 1973.

Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York, 1947.

Rösler, K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen. *Wiener slawistisches Jahrbuch*. V. 2. 1952, S. 103–149. (in Germ.).

Shendel's E. I. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike (na materiale glagol'nykh form sovremennogo nemetskogo yazyka)*. Moscow, 1970.

Shishova A. D. *Diskursivnyi analiz funktsionirovaniya glagol'nykh form v sovremennom frantsuzskom yazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The discourse analysis of the functions of the verbal forms in the modern French language: avtoref. PhD diss.]. Moscow, 2014.

Słoński S. *Historia języka polskiego w zarysie*. Warszawa, 1953.

Stevanovich M. *Savremeni srpskokhrvatski jezik*. T. II. Beograd, 1986.

Supr. — Zaimov I, Kapaldo M.. *Suprasl' 'ski ili retkov sbornik*. V. 1–2. Sofiya, 1982.

Trávníček F. *Historická mluvnice československá*. Praha, 1935.

Vaillant A. Chronique: Généralités. *Revue des études slaves*. V. 34. 1957, pp. 173 (in French).

Večerka R. *Altikirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. V. II. Freiburg i. Br., 1993.

Vyskočil P. Staroslověnské сътворилъ бждж. *Slavia*, no. 25. 1956, pp. 260–261 (in Czech).

Whaley, M. L. *The Evolution of the Slavic 'BE(COME)''-Type Compound Future*. PhD Diss. The Ohio State University, 2000.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchedom materiala nakhodok 1995–2003 gg. Moscow, 2004.